

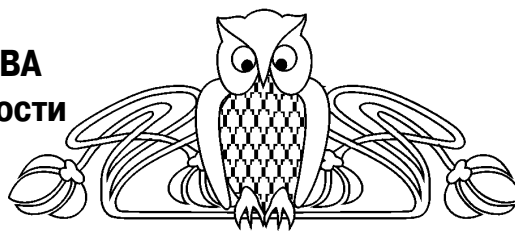
Примечания

- ¹ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 47. Д. 1. Л. 17.
- ² Там же. Д. 4. Л. 5.
- ³ Там же. Л. 3, 5.
- ⁴ Там же. Д. 1. Л. 18.
- ⁵ Наше слово. 1991. 16 июля.
- ⁶ Наше слово. 1991. 7 авг.

- ⁷ Наше слово. 1991. 16 июля.
- ⁸ Наше слово. 1991. 7 авг.
- ⁹ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 48. Д. 1. Л. 13.
- ¹⁰ Там же. Оп. 47. Д. 63. Л. 39.
- ¹¹ Там же. Д. 4. Л. 80.
- ¹² Там же. Л. 83.
- ¹³ Головачёв В. Г. Представитель Президента. Саратов, 2005. С. 184.
- ¹⁴ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 47. Д. 1. Л. 10–11.

УДК 94(47).084.1+343.132(09)

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЫСШИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ГОСУДАРСТВА ПРИ СМЕНЕ ВЛАСТИ (на примере деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства)

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье исследуется проблема политико-правовой ответственности представителей правящего класса. Анализируя историко-правовой опыт деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, автор выявляет концепцию и основные принципы организации расследования правонарушений со стороны высших должностных лиц государства, которые могут служить важным политико-правовым прецедентом в условиях построения правового государства.

Ключевые слова: Чрезвычайная следственная комиссия, политический режим, правящий класс, расследование, суд, политико-правовая ответственность.

Political and Legal Responsibility of the Higher Officials of the State After Power Change (on the Example of Activity of Extraordinary Investigation Commission of Provisional Government)

Yu. V. Varfolomeev

In article the problem of political and legal responsibility of representatives of ruling class is investigated. Analyzing historical and legal experience of activity of Extraordinary Investigation Commission of Provisional government, the author reveals the concept and main principles of the organization of investigation of offenses from the higher officials of the state who can serve as important political and legal precedent in the conditions of lawful state construction.

Keywords: Extraordinary Investigation Commission, political regime, ruling class, investigation, court trial, political and legal responsibility.

При смене политических режимов в первую очередь, как правило, встает проблема легитимации новой государственной власти, и при этом одним из важнейших элементов политико-правового обоснования нового режима выступает парадигма

о заведомо криминальном характере деятельности бывших представителей правящего класса. Яркими примерами этого могут служить: следствие и суд над королем Людовиком XVI в период Французской революции 1789–1794 гг., квазисудебные репрессии и внесудебная расправа над бывшими сановниками царского режима после Октябрьского большевистского переворота 1917 г. в России, а также попытки предания суду руководителей и высших должностных лиц Советского государства после краха коммунистического режима в СССР в августе 1991 г.

Проблема политико-правовой ответственности государства и его высших должностных лиц обусловлена тем, что она связана с целым рядом вопросов общеправового характера, требующих предварительного разрешения, часть из которых относится к сфере гражданско-правовой ответственности, как, например, ответственность за чужие действия, за причинение вреда при отсутствии вины и пр.¹ В то же время большая часть вопросов юридической ответственности относится к области конституционного (государственного) права, например ответственность власти перед обществом за реализацию тех полномочий, которые действующим законодательством делегированы конкретным государственным учреждениям и отдельным должностным лицам, а также ответственность государства за обеспечение всего комплекса прав и свобод человека и гражданина². В зависимости от того, кто подвергается юридической ответственности, И. А. Толстова различает «юридическую ответственность государства как совокупность органов и должностных лиц, реализующих государственные полномочия (конкретизируется в конституционной, уголовной, гражданской, административной и дисциплинарной

ответственности)», а в зависимости от субъекта, которому причинен вред, «юридическую ответственность государства можно подразделить на два вида: а) ответственность перед организацией и б) ответственность перед личностью»³.

В августе 1991 г. после провала коммунистического путча последовал запрет на деятельность КПСС и одновременно с этим возник вопрос о расследовании и обнародовании всех преступлений правящей партии против своего народа. «Мысль о судебном преследовании коммунистической партии, узурпировавшей власть, поправшей все законы человеческие и божеские, принесшей неслыханные страдания народу, заплатившему десятки миллионов жертв во имя построения “светлого” будущего, – отмечал А. А. Собчак, – такая мысль казалась совершенно естественной. Тем более что уже есть исторический прецедент международного Нюрнбергского трибунала, объявившего преступной гитлеровскую партию и поставившего нацистов вне закона. Этого как раз и боялась та партийная элита, у которой руки были по локоть в крови, а нарушения законов вообще в расчет не принимались. К тому же были и более свежие примеры привлечения к суду руководителей “братских” компартий в Германии, Болгарии, Чехии, Румынии»⁴.

Однако в постсоветской России никто всерьез не озаботился тем, что КПСС следует судить и на основании выявленных фактов объявить преступной организацией. «Новое руководство России было слишком связано с нею – можно сказать, вышло из недр компартии, – справедливо отмечал Собчак. – Когда прошел первый испуг и номенклатурная рать увидела, что ничто ей не угрожает, она стала смелеть день ото дня. Сначала бывшие функционеры довольствовались тем, что снова получили должности в разных присутственных местах, а потом, почувствовав свою силу и поддержку со стороны большей части депутатов Верховного Совета, перешли в наступление»⁵. Так называемое «Дело КПСС», или, как оно официально обозначалось, дело «о конституционности указов президента Б. Н. Ельцина о приостановке деятельности КПСС и КП РСФСР, их имуществе» рассматривал Конституционный суд РФ. Однако следствия и суда над КПСС, высшими функционерами «руководящей и направляющей», руководителями СССР и регионов, а также в целом над советским политическим режимом так и не состоялось, а это значит, что все противоправные явления и факты, если они имели место в советской действительности, так и не были юридически зафиксированы и не получили в ходе судебного процесса соответствующей правовой оценки. В то же время это не говорит о том, что в «деле КПСС» и советского режима, а также в вопросах, связанных с подписанием Беловежского соглашения и с правлением первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, уже поставлена точка. В истории существуют примеры и юридические основания

для расследования различных государственных преступлений и проведения суда над высшими представителями власти того или иного политического режима. Среди подобных прецедентов следует назвать, конечно, Нюрнбергский трибунал и, возможно, более близкий и адекватный в данном случае именно к российской истории и политико-правовым проблемам эпизод – деятельность Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (далее – ЧСК).

Главная цель ЧСК, для достижения которой она, собственно, и учреждалась в 1917 г., – расследование противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств царского режима. По завершении своей работы, как это определялось «Положением» о ЧСК, она должна была представить «Акты окончательного расследования со своим письменным заключением о дальнейшем направлении дела генерал-прокурору для доклада Временному правительству». Наряду с этим ЧСК готовила следственные материалы и для представления Учредительному собранию. Следовательно, в данном случае речь идет о концепции определения «позитивного» и «ретроспективного» аспектов политико-правовой ответственности государства и его представителей, которые составляют в своей совокупности единый институт юридической ответственности государства в целом.

Раскрывая смысл того, в чем же должно заключаться «расследование противозаконных по должности действий», председатель Комиссии Н. К. Муравьев уточнял, что Временное правительство пришло к мысли «создания чрезвычайной исключительной следственной комиссии, которая ликвидировала бы прегрешения старого режима»⁶. В то же время он справедливо указал на то, что работа Комиссии в такой постановке могла бы оказаться безбрежной и поэтому пришлось ограничить ее задачи более конкретной целью – имелась в виду «ликвидация старого режима»⁷. Правда, вкладывал Муравьев в эту фразу не столько политический, сколько правовой смысл. В данном случае под «ликвидацией старого режима» председатель ЧСК полагал избличение и ликвидацию практики и традиций нарушения законов, превышения должностных полномочий и других правонарушений высших должностных лиц Российской империи. Именно за эти «прегрешения» должны были судить высших сановников старого режима.

Объектом расследования Комиссии все-таки было не банальное преступление того или иного, пусть даже высшего чиновника павшей монархии, понимаемое как общественно-опасное деяние, нарушавшее закон. Такой подход должен был неизбежно завести следствие ЧСК в тупик. Главное, что могла и должна была сделать Комиссия, – это найти причины порочности самого режима, кото-

рый привел всю страну к пропасти. Кто и в какой степени несет вину за формирование и функционирование административной системы, не отвечающей потребностям общества и человека, — на эти вопросы как раз и предстояло ответить такому уникальному учреждению как ЧСК. Причем «оказалось совершенно возможным целиком встать на точку зрения того закона, который существовал в последние дни и месяцы старого режима, — подчеркнул Муравьев. — Можно сказать: “те законы, которые вы написали, вы же, в лице высших и центральных ваших представителей, их и нарушали”. <...> мы создаем и ставим процессы, которые не могут не иметь мирового значения <...> Эти процессы исключительны не только в силу самих преступлений, совершенных старым режимом, а также и потому, что, по крайней мере за истекшее столетие, не было процесса во всемирной истории, когда на скамью подсудимых следовало бы усадить и судить не отдельных министров, а целый совет министров»⁸. Издавая закон, государство связывает им не только подчиненных ему индивидов, но вместе с тем и самое себя, то есть государство в лице своей правительственной власти также подчинено закону, как каждый в отдельности гражданин⁹.

Действительно, ЧСК стремилась и готова была провести целый ряд политических и уголовных процессов, а также применить к части подследственных лиц закон об ответственности в административном порядке. В президиуме ЧСК было признано целесообразным, во-первых, представить заключения об освобождении от уголовной ответственности тех лиц, уголовные дела которых признаны Комиссией «имеющими общее значение лишь для характеристики старого режима и представляются незначительными по свойству предъявленного обвинения», и во-вторых, передать компетентным «судебным властям по принадлежности для дальнейшего производства на общем основании тех из числа прочих дел, производящихся комиссией, кои не могут быть приведены к окончанию ко времени ликвидации работ комиссии»¹⁰, другими словами, кого и по какой статье закона конкретно следует привлекать к судебной ответственности, причем безо всяких юридических натяжек в угоду политической конъюнктуры. При этом признаки безответственной деятельности государственного органа или должностного лица, по мнению С. Б. Полякова, налицо, когда: «1) он волен сам судить о своем праве; 2) он сам поддерживает свое право; 3) над ним нет судьбы; 4) находящиеся под его властью лишены свободы судить о своем праве или защищать его, так как заведомо находятся в неравном положении с ним во всех отношениях»¹¹.

На одном из первых заседаний Комиссии 19 марта 1917 г. член президиума ЧСК Н. Д. Соколов заявил: «Комиссия не должна руководствоваться в следственной работе лишь формально-юридической стороной дела, а призвана

выяснить и более общий вопрос об уголовной ответственности высших должностных лиц в том случае, когда они, действуя исключительно в целях охраны существующего режима, отстаивая его по велению Монарха или же по личному побуждению, заведомо нарушают при этом интересы государства и, стремясь спасти форму, сознательно губят ее содержание»¹². Это суждение вызвало оживленный обмен мнениями, после чего по предложению Н. К. Муравьева решено было передать данный вопрос «на обсуждение юридической Консультации при Комиссии, с приглашением в нее, кроме криминалистов, также и специалистов по Государственному праву»¹³.

Мнение Юридического совещания, созданного при ЧСК специально для выяснения спорных юридических вопросов, выразил один из его членов, присяжный поверенный О. О. Грузенберг, заявив, что «попытка исходить из понятия интересов государственных, нарушенных министром — не выдерживает критики ввиду субъективности суждения о государственном интересе и пользе. Потому на первый план следует ставить вопрос о том, имеется ли состав преступления в том или ином конкретном деянии. В этом отношении надо отличать два момента: нарушение конституционного права и нарушение общих норм уголовного закона. В обоих случаях следует иметь в виду, что высшие должностные лица империи вовсе не были обязаны осуществлять всякое веление Монарха, ибо на основании ст. I Основных законов Российское государство даже и до 1906 года не было деспотией, и, следовательно, совершенные ими на основании этих повелений преступные деяния влекут для них установленную законом ответственность»¹⁴.

Вызывал у членов ЧСК дискуссии и вопрос о круге расследуемых противозаконных деяний. Н. Д. Соколов заявил: «В поле нашего зрения должны быть включены не только преступления бывшей власти, но и деяния, противные нашей совести и направленные против интересов народа. Мы должны собрать весь этот материал, а что мы будем делать с ним, это видно будет потом. У.У.С. мы не предусмотрены, и потому сами должны составить себе наказ». Более компетентно и резонно высказался по этому поводу следователь ЧСК И. В. Кондратович: «В нашей деятельности нужно различать две функции: мы начинаем с политического расследования и здесь мы не стеснены У.У.С. Если при этом расследовании будут обнаружены преступления, мы составляем постановление о привлечении к судебному следствию и тогда начнутся допросы с строгим соблюдением всех правил У.У.С. Чтобы избежать нареканий, нам нужно только добиться изменения положения о Чрезвычайной Следственной Комиссии в том смысле, что нам принадлежит право расследования не только противозаконных действий высших должностных лиц бывшей власти, а всей их деятельности». В ответ на это замечание Н. Д. Соколов парировал:

«Пока нам никакого особого декрета не нужно. Устав о службе гражданской дает нам право ставить наше расследование достаточно широко. Дисциплинарный проступок есть тоже действие противозаконное»¹⁵.

В продолжение дискуссии опытный правовед-практик сенатор С. В. Завадский предложил конструировать соотношение между протоколами допросов в Комиссии и актами следственного производства следующим образом: «При нормальном порядке расследование должностных преступлений начинается с того, что начальство требует письменных объяснений. Здесь умалчивать ни о чем нельзя. Наш допрос это и есть то же требование письменных объяснений». При этом председатель ЧСК Н. К. Муравьев еще раз напомнил всем участникам заседания: «...мы производим не только судебное, но и политическое расследование. Если Комиссии принадлежат prerogative бывшего начальства высших должностных лиц, то Комиссия должна эти права реализовать»¹⁶.

Другой следователь ЧСК, М. Н. Фитцтум, отметил еще одну особенность расследования: «Департамент полиции сравнительно легок для исследования: там возможен приступ прямо к уголовным правонарушениям. Но вот Штюрмер – он был Председателем Совета Министров, Министром Внутренних Дел, Министром Иностранных Дел. Разве мыслимо рассмотреть тысячи, а может быть, десятки тысяч прошедших через его руки бумаг в надежде найти что-нибудь преступное». В этом суждении его поддержал коллега Б. Н. Можанский, сделав предположение, что работать над Департаментом полиции легче, «потому что здесь всегда может быть презумпция о преступности отдельных чинов этого органа»¹⁷.

Продолжая эту мысль, следователь И. В. Кондратович высказал сомнение по поводу корректности первоначального плана работы ЧСК: «Идти лучше не по министрам от одного к другому, а необходимо оставить перед собой определенные явления, содержащие признаки преступления, и начать исследование – кто виноват. Работа должна идти по фактам. Вот хотя бы злоупотребление ст. 87 Учр. Гос. Думы. Закон указывает точно пределы ее применения, а у нас с этим совершенно не считались. Мы и должны исследовать, где, в ком причины этого явления». Однако, по мнению Н. К. Муравьева, это не имело значения. «Находясь в распорядительном центре, через который проходят нити всех следственных действий, могу сказать, – указывал он, – что идти по фактам или продолжать работу в нашем направлении – это одно и то же, потому что известные действия приписываются лишь определенным лицам»¹⁸. Как видно из дальнейшего обсуждения этой проблемы, далеко не все сотрудники ЧСК поддерживали тезис о безусловной виновности подследственных, в частности руководителей правоохранительных органов империи. Так, к примеру, следователь ЧСК Т. Д. Руднев придерживался того

мнения, что «презумпции о преступности Департамента полиции не было и не могло быть, иначе бы я, например, не был судебным следователем по особо важным делам, я считаю, что объективный материал чрезвычайно важен»¹⁹.

Приоритет объективности следственного материала был положен в основу организации расследования практически всеми руководителями следственных частей и членами президиума ЧСК. Так, например, опытный криминалист С. В. Завадский не видел возможности устанавливать заранее «положения по методологии следственной работы» и полагал, что для нее хороши все методы, кроме тех, которые не приводят к цели. «Невозможно указать, когда нужно руководствоваться одними изустными показаниями, а когда одними документами, – утверждал он. – Здесь нет абсолютного принципа, и ссылка одного из предыдущих ораторов на метод работы историков неубедительна, нужно предоставить каждому следователю идти тем путем, который подсказывается ему его опытом и обстоятельствами дела»²⁰. Наряду с этим Завадский особо подчеркнул наличие определенных трудностей в деятельности следователей такого специфического органа, как ЧСК, отметив, что их работа была очень своеобразной: «...одно – отправляться от факта, имеющего, по видимости, необходимые признаки преступления, и совсем другое – искать в делопроизводственных бумагах, не найдется ли какого-либо уголовно наказуемого деяния»²¹.

Подобный метод следственной работы, который председатель ЧСК назвал «криминализацией» деяний, совершенных бывшими высокопоставленными сановниками Российской империи, нашел понимание и поддержку далеко не у всех сотрудников Комиссии. К этому выводу можно прийти на основании сведений, содержащихся в протоколе заседания Юридического совещания при ЧСК от 7 апреля 1917 г., где, в частности, зафиксировано, что член Юридического совещания Б. Э. Нольде присоединяется к мнению той части его членов, которая считает, что «вне рамок уголовного кодекса не может быть предъявлено каких-либо обвинений, так как все суждения о нарушении истинных интересов народа относятся к области политики и отличаются крайней субъективностью»²². О подобном подходе свидетельствует и позиция следователя ЧСК В. С. Оголевца, который категорически высказался за первоочередную важность объективности сведений, полученных в ходе расследования. «Предварительно допроса свидетелей надо изучать документы, <...> бумаги нам все дадут, – считал он. – Всего мы, конечно, не обхватим, нужно уметь выбрать существенное»²³.

Таким образом, большинство следователей ЧСК отчетливо осознавало, что ставить во главу угла политические моменты, несмотря на существующую конъюнктуру революционного момента, нельзя, так как в противном случае расследование Комиссии потеряло бы объектив-

ность, а значит, легитимность и доверие общества. Лишь беспристрастность сотрудников ЧСК и соблюдение ими существующих норм права в ходе следственной работы могли обеспечить соблюдение законности.

29 сентября 1917 г. председатель Комиссии доложил министру юстиции П. Н. Малянтовичу, что «работа Чрезвычайной Следственной Комиссии по большинству следственных частей ее может к настоящему моменту считаться закончившейся в первой своей стадии – определены круг ответственных лиц, установлены предметы обвинения»²⁴. В связи с этим предстояло решить следующий важный вопрос – о будущем суде. Было очевидно, что дела, расследуемые ЧСК, резко отличаются от обычных уголовных дел, и заключения по ним существенно отличаются от обычных, классических обвинительных конструкций, известных в судебной практике. «Никогда еще история русского суда не знала процессов о носителях власти, столь высоко стоявших в иерархической лестнице, – справедливо отмечал Н. К. Муравьев, – никогда суду не приходилось высказываться об уголовном значении целой системы управления»²⁵.

Будущее показало, что с годами достижения и наработки ЧСК не только сохранили свою значимость, но и стали очень актуальными. Получилось так, что «перед Чрезвычайной следственной комиссией стоял тот же вопрос, который через 29 лет после окончания мировой войны встал перед четырьмя великими державами, – совершенно точно определил М. В. Вишняк, – отпустить преступника на том основании, что в законе не было предусмотрено преступное деяние и кара за него, или подвергнуть преступника заслуженному наказанию, несмотря на формальный пробел и упущение в законе?»²⁶. И в том и в другом случае вошли в противоречие две бесспорные для правоведа истины. Первая – нет преступления, нет наказания без того, чтобы они заранее не были оговорены законом или обычаем. Вторая – безнаказанность преступления опрокидывает любой правовой порядок. В последнем случае общественное сознание, не увидев свершившегося правосудия, будет искать справедливость другим, скорее всего не правовым путем.

«Подобный же конфликт правовой совести возник по окончании Второй мировой войны, – справедливо отмечал М. В. Вишняк, – когда встал вопрос об ответственности за причиненные во время войны злодеяния»²⁷. Тогда по соглашению между четырьмя державами-победительницами об организации международного военного трибунала были определены военные преступления, а также преступления против мира и против человечества. В связи с этим Вишняк высказал смелое и логичное предположение: «Может быть, Нюрнбергский процесс являл собою не революционное только осуществление права, как утверждают некоторые американские юристы, а – революцию в праве. Во всяком случае, если юристов часто упрекают в том, что для них пусть мир пропадет,

но правосудие должно совершиться, – в данном случае, в Нюрнберге 1946-го года, как и в Петрограде 1917-го, дело обстояло иначе. Отступление от формальных узаконений и процессуальных форм отнюдь не всегда является и правонарушением. Особенно во время войны и революции»²⁸.

Таким образом, ЧСК, как мы убедились, хотя и не совершила революции в праве, была очень близка к этому и создала очень важный политико-правовой прецедент объективного расследования деятельности представителей правящего класса и подготовки суда над политическим режимом и его высшими функционерами. Думается, что те уроки и выводы, которые представила на суд истории и общества Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства в 1917 г., будут все-таки востребованы и в наше время – в условиях построения правового демократического государства в России.

Примечания

- 1 См.: Бойцова В. В., Бойцова Л. В. Ответственность государства за действия должностных лиц: публично-правовая или частноправовая? // Правоведение. 1993. № 1. С. 72–80.
- 2 См.: Колосова Н. М. Конституционная ответственность в Российской Федерации. Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. М., 2000. С. 6.
- 3 Толстова И. А. Государство как субъект юридической ответственности // Вестн. Тверского гос. ун-та. Серия: Право. 2011. Вып. 25. С. 40–53.
- 4 Собчак А. А. Жила-была коммунистическая партия. СПб., 1995. С. 124.
- 5 Там же. С. 125.
- 6 Муравьев Н. К. О работе Чрезвычайной следственной комиссии. Доклад на Первом Всероссийском съезде Рабочих и Солдатских депутатов // Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. 1917. № 95. 18 июня.
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 См.: Гессен В. М. О правовом государстве. СПб., 1906. С. 11–12.
- 10 Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГАРФ). Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10. Л. 83.
- 11 Цит. по: Поляков С. Б. Юридическая ответственность государства. М., 2007. С. 45.
- 12 ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
- 13 Там же.
- 14 Там же. Д. 2. Л. 19.
- 15 Там же. Д. 4. Л. 6.
- 16 Там же. Л. 6 об.
- 17 Там же. Д. 2. Л. 22.
- 18 Там же.
- 19 Там же.
- 20 Там же. Л. 23.

²¹ Завадский С. В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–17 годах) // Архив русской революции : в 22 т. М., 1991. Т. 11. С. 42.

²² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

²³ Там же. Л. 23.

²⁴ Там же. Л. 94.

²⁵ Там же. Л. 94-94 об.

²⁶ Вишняк М. В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 294.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК: 316.485.26(475+571)

РАДИКАЛИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ

Ю. Н. Полтавская

Саратовский государственный университет
E-mail: teleprofi@gtrk.renet.ru

В статье анализируется сущность двух сходных феноменов общественной жизни – радикализма и экстремизма. Также обозначаются и характеризуются особенности каждого из явлений и причины их появления в общественной жизни. Главная задача исследования состоит в выявлении политического смысла понятий. Результатом стала сравнительная таблица феноменов радикализма и экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, радикализм, причины экстремизма, политический смысл радикализма.

Radicalism and Extremism: the Political Meanings

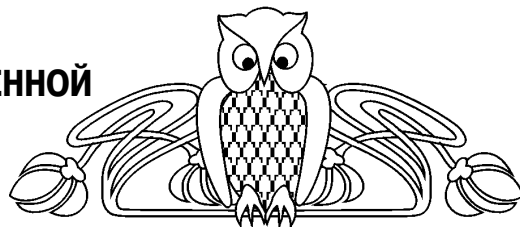
Yu. N. Poltavskaya

This article analyzes similar nature of two phenomena of social life. They are Radicalism and Extremism. Also we identify and describe some features of these phenomena and reasons of their appearance. The main task of the research is to identify the political meaning of the two concepts. The result of the research is a comparison table of these phenomena.

Key words: extremism, radicalism, causes of extremism, political meaning of radicalism.

Молодежный радикализм как предмет изучения представляет собой общественно-политическое явление, которое неразрывно связано с политической историей человечества. Постоянным «попутчиком» молодежного радикализма, имеющего разнообразные формы проявления, является экстремизм. С целью разработки теоретических основ дальнейшего исследования и более точного понимания изучаемого феномена необходимо выделить и рассмотреть оба термина.

Радикализм и экстремизм, представляя собой смежные понятия как в науке, так и в общественной жизни, тем не менее, имеют некоторые различия. Их определение является одной из важнейших задач исследования природы двух явлений. Словарь иностранных слов предлагает следующую трактовку радикализма – «идейно-политическое течение в капиталистических странах, возникшее в XIX в., сторонники которого

подвергают критике капиталистическую систему и настаивают на необходимости радикальных реформ в рамках капиталистического строя; в ряде современных капиталистических стран выражает протест против антидемократизма, милитаризма и пороков капиталистической системы, а также использование радикальных методов при решении каких-либо вопросов, решительный образ действий»¹. Однако некоторые словари придают радикализму определенную политическую окраску. Например, словарь под редакцией Т. Ф. Ефремовой обозначает радикализм как «политическое течение, ориентирующееся на проведение демократических реформ в рамках существующего государственного строя»². Таким образом, понятию радикализма придаются черты созидательного процесса, одного из характеристик демократизации.

Общественная практика показывает, что радикализм не всегда имеет политическую нагрузку и несет демократический потенциал. Феномен проявляется во всех сферах человеческой деятельности. Характерной чертой, позволяющей назвать то или иное явление радикальным, можно считать приверженность носителей крайним взглядам на сущность социума в целом, характер функционирования системы общественных связей и т. д. Ярким примером являются представители субкультур, большая часть которых принципиально аполитична или же придерживается анархистских настроений. Существующие неформальные подростково-молодежные объединения можно типологизировать на: гедонистско-развлекательные («наслаждение и развлечение»); спортивно-соревновательные; профориентационные; эскапистские («уход от мира»); мистагогические («вводящие в тайну», связанные с духовным поиском); коммерциализованные (сформированные для достижения прибыли); субкультуры социального вмешательства (все субкультуры, ориентированные на улучшение или изменение сложившейся общественной системы или ее элементов); примыкающие к ним лидерско-менеджерские; криминальноориентированные. Традиционно радикализм направлен против существующего порядка вещей, однако